

Неведомое ранее чувство удовлетворения разлилось в сердце Чжоу Сяошу. Ему казалось, что все мучительные сомнения, терзавшие его столько дней, наконец растаяли, словно лёд под весенним солнцем, и рассеялись без следа. Оказывается, обнимать любимого человека — это именно такое чувство. Он словно мог забыть обо всём на свете, о времени, о всех делах, и весь мир теперь состоял только из него самого и У Гана.

Радость переполняла Чжоу Сяошу, будто он держал в руках огромный кусок сахара, а вокруг него витали прекрасные розовые пузыри.

Вернувшись в класс, он всё ещё не мог сдержать улыбку. Весь день его настроение оставалось ясным, и он невольно говорил с У Ганом больше обычного, невольно смеялся, когда они общались.

На последних уроках и занятиях физкультурой Чжоу Сяошу вызывали в учительскую для дополнительных занятий. Его ум был острым, и обычно учителю не требовалось целого урока, чтобы объяснить материал. Чжоу Сяошу пропустил всего три дня, да и то в самом начале семестра, так что отставание было незначительным, и он быстро наверстал упущенное.

Опираясь на костыли, он вернулся в класс и наконец расслабился. В классе был только У Ган, сидевший на своём месте. В тот день, когда они бежали вместе, пусть и не быстро, нога Чжоу Сяошу пострадала сильнее, чем после выписки из больницы. Раньше он уже мог ходить нормально, но теперь снова пришлось взяться за костыли.

Только сев на место, У Ган посмотрел на его ногу:

— Всё в порядке? Ещё болит? Давай я помогу тебе размять.

— Всё нормально, ничего не чувствую, пока не хожу, — улыбнулся Чжоу Сяошу, наблюдая, как выражение лица У Гана постепенно оживает. — С тех пор, как мы поговорили в тот день, всё стало ясно, и я заметил, что эмоции на твоём лице стали проявляться гораздо чаще.

Чжоу Сяошу видел, как У Ган, обычно холодный и сдержанный, постепенно становился более живым. Он узнал, что тот тоже может улыбаться, выражать свои переживания на лице, показывать разные эмоции.

— Не переживай слишком сильно, это ведь не такое уж важное дело, — Чжоу Сяошу взял У Гана за руку, и лицо того мгновенно покраснело. — Что случилось? Когда ты остановил меня у себя дома, ты не был таким застенчивым.

— Я... нет.

В этой короткой паузе в голове У Гана пронеслось множество мыслей: «Тогда я долго размышлял, прежде чем решился сказать. Но сейчас я не был готов, хотя мои чувства не изменились. Сяошу не станет из-за этого меня ненавидеть, правда? А что, если он разлюбит меня? Я постараюсь не казаться таким застенчивым, ты должен продолжать любить меня, ты должен».

Чжоу Сяошу, заметив лёгкое подёргивание на лице У Гана, решил, что понял его, и ответил так, как считал правильным:

— Всё в порядке, ты такой забавный.

И тут лицо У Гана буквально застыло, и он отвернулся, не желая больше разговаривать. Чжоу

Сяошу не понимал, что сказал не так, и с невинным выражением широко раскрытых глаз уставился на У Гана, который, казалось, увлечённо читал книгу. Затем он встал, подошёл к нему сзади и мягко обнял за шею:

— Что случилось? Не сердись. Я не хотел тебя обидеть, скажи, что я сделал не так. Если ты не скажешь, как я узнаю, как исправить?

— Я не сержусь.

— Ладно, ладно, не сердись. Мой У Ган самый красивый, правда? — Чжоу Сяошу, внимательно наблюдая за профилем У Гана, заметил, как уголки его губ слегка приподнялись. — Он понял, что на этот раз удалось его успокоить, и с облегчением вздохнул. Раньше, не обращая на У Гана особого внимания, он не знал, что тот так глубоко всё переживает. У Ган вовсе не был равнодушным ко всему, как казалось, он был очень чувствительным к происходящему вокруг, и именно из-за этой чувствительности предпочитал избегать общения.

Раньше он помогал У Гану, чтобы выполнить задание учителя, но теперь, когда они встречались, было необходимо помочь ему наладить нормальное общение с другими.

У Ган, заметив, что Чжоу Сяошу всё ещё стоит за его спиной, взял его за запястье и мягко усадил на место:

— Садись, твоя нога ещё не зажила.

— Хорошо, спасибо, — улыбнулся Чжоу Сяошу, потрепав себя по затылку. — За окном светило солнце, и даже голые деревья, ещё не совсем освободившиеся от зимнего сна, казались полными жизни под его лучами.

— У Ган, ты в последние дни слушал уроки?

— А что?

— У меня есть несколько вопросов по домашнему заданию, хотел бы, чтобы ты объяснил. Не могу же я всё время беспокоить учителя, а у других спрашивать неудобно.

— Ну... ладно.

Едва сдерживая радость, У Ган спокойно ответил, но Чжоу Сяошу не придал этому значения. Наслаждаясь тёплым солнечным светом, пробивавшимся через окно, Чжоу Сяошу достал домашнее задание и начал задавать вопросы У Гану. Тот был удивительным: несколькими словами он мог прояснить всё, что казалось сложным.

Постепенно Чжоу Сяошу начал задаваться вопросом:

«Почему У Ган, такой умный, не учится?»

Размышляя об этом, он погрузился в свои мысли, пока У Ган, заметив его задумчивость, не окликнул:

— Что случилось?

— Ты не реагировал, — спокойно произнёс У Ган. — О чём думаешь?

Хотя тон У Гана всё ещё мог заморозить комара, Чжоу Сяошу привык к этому и не обратил

внимания. Однако он не мог долго держать свои мысли при себе и сразу же задал вопрос:

— У Ган, почему ты, такой умный, не учишься?

Лицо У Гана на мгновение потемнело, затем он снова принял растерянное выражение. Он долго молчал, так долго, что Чжоу Сяошу уже подумал, что тот не собирается отвечать, но наконец услышал:

— Не знаю, просто не хочу. Наверное, хочу противостоять отцу.

Чжоу Сяошу надул губы. Это был типичный ответ У Гана — делать что-то необычное по самой странной и незначительной причине. Вспомнив свои сложные отношения с У Ганом, он не смог сказать ничего упрекающего.

— А... ты не мог бы ради меня... начать учиться? — неуверенно произнёс Чжоу Сяошу, избегая взгляда У Гана. — Он боялся услышать отказ, боялся получить негативный ответ. Он не знал, когда именно У Ган занял такое важное место в его сердце. Думая об этом, он ещё больше боялся смотреть в глаза У Гану и даже отвернулся.

Услышав слова Чжоу Сяошу, У Ган на мгновение замер, но затем его глаза загорелись:

— Конечно.

Чжоу Сяошу редко слышал такие эмоции в голосе У Гана, и даже не сразу осознал, что тот сказал. Когда он понял, его лицо сразу же озарилось радостью, и он увидел блеск в глазах У Гана.

— Тогда договорились, я буду за тобой следить, — Чжоу Сяошу вскочил с места и бросился обнимать У Гана.

Поглаживая его волосы, Чжоу Сяошу почувствовал, как от него исходит аромат солнца, тёплый, как запах одеяла, долго лежавшего на солнце, или как медленно раскрывающиеся лепестки жасмина в чашке.

Чжоу Сяошу чувствовал себя невероятно комфортно, словно окончательно убедившись в своём важном месте в сердце У Гана. Урок подходил к концу, и за дверью послышались торопливые шаги. Чжоу Сяошу поспешил отпустить У Гана, потянулся на парте, как довольный кот.

С лёгкой улыбкой на лице он некоторое время смотрел на У Гана, но тот слегка смутился и отвернулся.

Когда Гу Мэнмэн и её подруга Лу Юэ, смеясь, вошли в класс, они увидели именно эту картину: улыбающегося, как кот, Чжоу Сяошу и смущённого, избегающего взгляда У Гана.

<http://bllate.org/book/17717/1655883>